

ИСТОРИЯ ВОСЬМАЯ

ПРО МАЛЕНЬКУЮ МОНИ

Правда, это было уже под конец моей жизни среди африканских детей, но именно под конец я почувствовал пророческий смысл слов Корнея Чуковского: «Не ходите, дети, в Африку гулять...».

Учебный день с самого утра не задался. Было много опоздавших. К тому же в куске мела обнаружился камушек, и мел рассыпался в прах при первом нажиме. Пришлось писать мокрой тряпкой, цифры быстро испарялись, и я часто бегал к окну, чтобы намочить писчий инструмент под струями дождя.

Дети были квёлыми и невнимательными. В таких случаях мы обычно играем в «руки-ноги». Кто-то из детей был ведущим и хлопал в ладоши: один хлопок – команда рукам, два – команда ногам. Сегодня сыграли на выбывание, но даже тут энтузиазма у детей не прибавилось. В пору было дать письменную работу и всех распустить.

Когда в дальнем конце деревни раздался истошный детский

крик, дети испуганно посмотрели на меня, но никто не двинулся с места. Я подошёл к окну: на улице было безлюдно, не видать ни одной козы.

Крик повторился снова и снова. Я взял лопату, с которой обычно ходил за деревья, и побежал. Стояла леденящая тишина, прерываемая криками о помощи. Я чувствовал, как мне в спину впились десятки детских глаз...

Мне рассказывали много удивительных и страшных историй, в которые местные старожилы верят по-детски безапелляционно. Например, рассказывали, что в окрестностях города Масака, у подножия горы, в пещере Накавоза, живёт дракон, который, чтобы подкрепиться, выползает даже днём и уже съел не одного ребёнка.

Африканские матери страшат своих малышей не милиционером, а этим драконом. Иногда на уроке, зная эту байку, я сам позволял себе вольности типа «Будешь вер-

теться – тебя утащит дракон из пещеры Накавоза». Действовало безотказно: непоседа льнул к парте и испуганно смотрел на одноклассников.

А дальше было вот что. Из-за дома, в котором частенько бывал африканский композитор Галабузи-Мукаса, где мы с ним не раз попивали банановое пиво, выбежала правнучка старухи Мабел, маленькая Мони, и бросилась мне навстречу. Её чёрное тельце было всё изранено. Если бы я смотрел все это по телевизору, я бы отвернулся и меня бы замучили мурашки. Но в критической ситуации мне всегда хватало самообладания. Так, когда я купал младшего сына и он выскользнул

тащил малыша за ноги и стал трясти вниз головой. Я тряс до тех пор, пока вода не хлынула у него изо рта и он не закричал. А уж потом меня трясло и колотило.

Так и тут. Сперва я обнял маленькую Мони. А когда появился дракон, я бросился на ужасного монстра, размахивая лопатой. Толщиной он был с приличное бревно и весь покрыт крупной чешуёй. С размаху я вlepил ему лопатой между глаз, но мой удар оказался слабее слабого. Что заставило дракона отступить – не пойму. То ли он не ожидал такой наглости, то ли опешил от цвета моей кожи... Мне потом рассказывали, что я проспал следующие сутки как убитый.

После этого инцидента староста общины, решив, что Мони пострадала за плохие дела своей прабабки, выгнал знахарку Мабел из деревни. А мою лопату воткнули прямо на том месте, где я вlepил дракону, и назвали святыню «Шавел Чейнчкала». Думаю, она стоит там и по сей день, поскольку сам инструмент был сделан из нержавеющей стали.

С тех пор я верю в драконов и всегда советую детям рисовать семейное генеалогическое древо, прежде чем начинать изучать историю и планировать свою карьеру.

Маленькая Мони часто плачет. Справа, за девочкой, – дом, в котором бывал композитор Галабузи-Мукаса

